

Д.А. МИРОНОВ

Свердловский медицинский институт

**ПОЛОЖЕНИЕ НА БАЛКАНАХ
И ПОЛИТИКА ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ
В ОСВЕЩЕНИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО
ОРГАНА АВСТРИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ
ЖУРНАЛА «КАМПФ» (1929—1934)**

На протяжении всех лет существования Первой республики Австрии журнал «Кампф» являлся главным теоретическим органом австрийской социал-демократической партии. Его читательская аудитория была весьма широкой — от партийных функционеров различных звеньев аппарата СДПА до рядовых социалистов из среды рабочих или мелкой буржуазии. На страницах журнала публиковались материалы, авторами которых были лидеры австрийской социал-демократии, главные теоретики австромарксизма и ведущие партийные идеологи. Это предопределяет специфику и ценность данного издания как исторического источника, заключающуюся в том, что оно как никакой другой печатный орган раскрывает существование различных течений в рядах СДПА, которые по многим важным вопросам часто занимали противоположные позиции.

Круг вопросов, рассматриваемых на страницах журнала «Кампф», был очень широк. В данной статье анализируются ТОЛЬКО материалы внешнеполитического характера, изучение которых ПОЗВОЛИТ выяснить отношение социал-демократии, занимавшей ведущие позиции в рабочем движении страны, к различным проблемам балканской политики великих держав.

В силу специфики своего географического и экономического положения Австрия занимала важное место в политике Англии, Франции, Германии и Италии в отношении Балкан. Она настойчиво стремилась захватить прочные стратегические позиции в альпийской республике, чтобы затем использовать ее в качестве плацдарма для дальнейшего проникновения в страны полуострова. Такая ситуация определяла и тот повышенный интерес, с которым различные круги австрийского общества наблюдали за политикой великих держав на Балканах.

В статье исследуются материалы, опубликованные в журнале «Кампф» в период глобального экономического кризиса, поразившего страны капитала после недолгой и частичной стабилизации. Внешняя политика держав в эти годы, в том числе и балканская, проводилась в условиях усиления фашистской угрозы, приведшего в Австрии к гражданской войне в феврале 1934 г. Необходимость анализа содержания «Кампф» диктуется прежде всего отсутствием как в советской, так и в зарубежной историографии специального исследования, посвященного изучению позиции австрийской социал-демократии по различным направлениям европейской политики великих держав в указанный период. Научная ценность журнала заключается также в том, что в нем часто печатались статьи и обзоры ведущих политологов, аналитиков и руководителей социал-демократических партий Германии, Бельгии, Чехословакии и других стран, которые дают возможность понять их взгляды на ход дипломатической борьбы за влияние на Балканах и выявить ряд новых важных аспектов политики держав в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Мировой экономический кризис, поразивший Европу в конце 20-х гг., развеял иллюзии безмятежного развития капитализма. Экономические потрясения сопровождались и серьезными изменениями политической ситуации в странах Юго-Восточной Европы. Анализ сложившегося положения в Балканских и соседних с ними государствах занял в 1929 г. значительное место на страницах журнала «Кампф».

Наиболее подробно позиция социал-демократии по этому вопросу была изложена в статье Зигмунда Кунфи, помещенной в февральском номере журнала. Анализируя политическую ситуацию в Румынии, автор подчеркнул, что экономическое и культурное пре-

---

Впервые опубликовано: **Международные отношения на Балканах и Ближнем Востоке. 1988.**

восходство крупной буржуазии здесь было столь велико, что ее окончательное подавление являлось невозможным

почти так же, как подавление чехов словаками [1929. Н. 2. S.- 64]. Итоги и перспективы развития страны Кунфи оценивал весьма благосклонно: «Незащищенное положение Румынии в отношении Советской России и шаткое, неопределенное положение династии тоже были ее (крупной буржуазии.— Д. М.) союзниками: так страна после тяжелых потрясений и государственного кризиса приняла пока удовлетворительное решение...

Едва ли можно называть этот процесс безмятежным и полностью исключать возможность ответного удара, но можно с уверенностью рассчитывать на то, что реакция, вынашивающая планы государственного переворота, вряд ли сможет снова одержать верх [1. 1929. Н. 2. S. 64—65]. По мнению обозревателя, «бескровный переворот в Румынии облегчил процесс демократического преобразования Балкан, открыл путь мирной интеграции крестьянства в созданную путем аграрных и национальных революций Восточную Европу» [1.1929. Н. 2. S. 661].

Совершенно иная оценка давалась политической ситуации, сложившейся в Югославии. Одной из главных причин политической нестабильности представители австрийской социал-демократии считали внутреннюю разобщенность страны, различия области культуры и религии, неравномерность экономического развития отдельных районов. «Хорватия и Словения стоят на более высокой ступени общественного развития, чем Сербия. Хорватия обладает определенной автономией в государстве, Словения имеет намного более развитую промышленность и интенсивное сельское хозяйство, чем аграрная Сербия...» [1929. Н. 2. S. 65].

Именно Югославия, опирающаяся на белогвардейскую Венгрию и фашистскую Италию, являлась в этот период, по мнению СДПА, мощным источником военной опасности. «Господство королевской партии... нанесло тяжелый удар демократическому развитию всей Центральной Европы. Национальная революция югославского народа, его мученическая судьба в мировой войне, вторжение кайзеровской армии обеспечили стране симпатии пролетариата и всех демократических сил Европы. Это ценное наследство уничтожил манифест от 6 января 1929 г., король Александр со своей камарильей дол жен отправиться на ту свалку позора, которую история приготовила для Муссолини, Хорти, Цанкова» [1. 1929. Н. 2. S. 66— 67]. Однако, сохраняя верность принципам австромарксизма социал-демократы видели выход из создавшегося положения не в активизации классовой борьбы пролетариата, а в создании федеративного объединения балканских стран. «Возможно, что такое положение не будет сохраняться долго, пока не станет очевидным, что фривольная, легкомысленная и безыдейная диктатура короля не в состоянии решить проблемы югославского народа и государства. Остается только пожелать, что когда он должен будет искать путь назад, к конституционной умеренности, путь этот прокладывался бы через югославскую республику и республиканскую федерацию балканских государств» [1. 1929. Н. 2. S. 66—67].

Материалы журнала «Кампф» со всей очевидностью показывают, что различные федералистские и государственно-объединительные проекты пользовались в этот период среди социал-демократии Австрии значительной популярностью. Помимо плана создания Балканской федерации наиболее известным среди них был проект образования пан-Европы. Его страстным поклонником являлся, например, один из лидеров СДПА Кар Реннер. План создания пан-Европы, его практическую реализацию он считал «главной целью политики рабочего класса в Западной Европе» [1. 1928. Н. 10. S. 387]. Однако мнение Реннера не разделялось многими социал-демократами, настроенными по отношению к этому проекту весьма скептически. Показательна в этом плане статья Альберта Лаутербаха, в которой доказывается необходимость двоякого понимания и оценки пан-Европы. Прежде всего как цели, к которой «стремится развитие мировой политики, преодолеть географические и национальные границы производства, порожденные капитализмом, и которая порождает в головах иллюзии действия само собой разумеющегося, в то время как она не может быть достигнута, пока интересы осажденного капитализма определяют еще внешнюю политику государств» [1. 1929. Н.6. S . 286]. В то же время следует рассматривать пан-Европу и как движение. По мнению Лаутербаха, оно представляет собой «странную смесь политиков, которые нуждаются в алиби для своей внутренней и внешней политики подавления, и легковверных идеалистов, в том

числе и некоторых социалистов, которые не смотрят дальше предела существующего государственного устройства» [1. 1929. Н. 6. S. 286].

Сочувствием и одобрением в среде социал-демократии в конце 20-х гг. пользовалась внешняя политика, проводимая Англией и Францией. Характеризуя план Дауэса, представитель СДПГ Альфред Браунталь отмечал, например, что эти страны «принесли главные финансовые жертвы, которые только создают предпосылки для нового урегулирования...» [1. 1929. Н. 7. S. 308]. Такая позиция определялась прежде всего тем, что у власти в Великобритании находилась лейбористская партия, а во Франции произошло усиление политического влияния социалистов. Партийная солидарность мешала австрийским социал-демократам реально оценить классовый характер их политики. Эгон Вертгеймер в своей Корреспонденции из Лондона буквально воспевал миротворческий характер политики лейбористов, утверждая, что в основе ее лежат три главных принципа: безопасность, разоружение и «третейский суд» [1. 1929. Н. 11. S. 499]. Некритический подход к внешней политике Англии и Франции часто приводил к появлению в статьях суждений и выводов, противоречащих фактам действительности. Весьма показательна в этом отношении статья Йозефа Штрансты, в которой анализировались цифровые данные военных расходов в различных странах мира. Автор утверждал, что благодаря миролюбивым действиям лейбористского правительства удалось речи о разоружении заменить делом разоружения и силой социалистического убеждения пресечь попытки подорвать дело мира», хотя несколькими абзацами выше отмечал, что «семь главных европейских государств (Англия, Франция, Германия, Италия, Польша, Испания и СССР.—Д. М.) взвалили на себя почти половину мировых военных расходов... [1. 1929. Н. 12. S. 579].

Явная переоценка эффективности сдерживающей политики Англии и Франции препятствовала пониманию реального источника угрозы как национальной независимости Австрии, так и в целом миру в Европе. Руководство СДПА не воспринимало пока всерьез нацистов в соседней Германии, которые, как по казал «Мюнхенский пивной путч» и другие подобные акции, всеми силами стремились захватить власть. Вместе с тем на страницах «Кампф» появляются материалы, авторы которых, главным образом представители германской социал-демократии, подчеркивали большую опасность агрессивных планов гитлеровцев. В наиболее четкой форме эта мысль была высказана в статье Ойгена Прагера, присланной в журнал из Берлина. «Если путч в Германии, направленный на свержение республики, имел бы шансы на успех, то взоры немедленно обратились бы на Австрию. Ведь именно она могла бы стать отличным плацдармом, откуда началось бы «национальное освобождение» Германии» [1. 1929. Н. 11. S. 494].

Главным источником военной угрозы на рубеже 20—30-х гг. австрийские социал-демократы считали итальянский фашизм. С особым беспокойством встречались попытки Италии сколотить блок государств под своей эгидой, что, безусловно, способствовало бы более активной реализации агрессивных планов, вынашиваемых режимом Муссолини. Фашистская диктатура, вставшая в противоречие со всей демократической Европой,— писал один из лидеров СДПА Юлиус Браунталь,— силой втянула Австрию в фашистский итало-венгерский союз. Австрия является стратегическим мостом между Италией и Венгрией. Под предводительством Муссолини складывается блок фашистских государств от Средиземного моря до Карпат [1. 1930. Н. 1. S. 1].

Однако никаких реальных мер, направленных на обуздание фашистской опасности, социал-демократия не предлагала. Планы создания федерации Балканских государств являлись уже на столько утопичными, что защищать их не решались даже самые стойкие и убежденные сторонники. Зимой 1930 г. Карл Реннер с грустью писал: «Упущенную возможность вернуть нельзя. Это относится и к Дунайской федерации, о создании которой говорить теперь, когда в Петербурге уже нет царя, а в Константинополе султана, слишком поздно» [1. 1930. Н. 2. S. 51]. Рассуждая о перспективах внешнеполитического развития Австрии, Реннер делал вывод о том, что перед страной стоят лишь два возможных пути: либо присоединиться к Германии, либо максимально сблизиться с Венгрией [1. 1930. Н. 2. S. 54]. Фактически он выдвигал перед Австрией альтернативу: аншлюс или реставрация Габсбургов, воссоздание Австро-Венгерской монархии. Ни один из предлагаемых Реннером вариантов не мог привести ни к стабилизации международной обстановки, ни к сглаживанию межимпериалистических противоречий. Наоборот, каждый из них, в случае осуществления, приводил бы к появлению нового очага напря-

женности.

Единственным средством, позволяющим остановить растущую опасность фашизма, было создание европейской систем коллективной безопасности. Однако понять это австрийской социал-демократии мешал сохраняющийся в партийной среде антисоветизм. Со всей очевидностью это подтверждают материалы журнала «Кампф». Нашу страну не только обвиняли в политическом деспотизме [1. 1930. Н. 12. S. 509], но и всячески принижали ее международный авторитет, умаляли значение СССР как важного фактора сохранения мира. Весьма показательна в этом отношении статья Пауля Кери, в которой анализируется военная мощь Советского Союза. Россия не является больше великой военной державой,— делает вывод автор,— ее успехи на полях битв ценятся другими великими державами очень низко. Почему же Россия почти полностью утратила свой авторитет в мире среди военных великих держав, хотя оснащенность и дисциплина находятся в Красной Армии на более высоком уровне, чем в царской армии? Разгадка этого противоречия заключается в следующем: после заключения Версальского мирного договора война перестала быть делом чисто военным. Капитализм пробудил другие военные силы и возможности более широкие, чем те, которыми располагает собственно армия, представляющая собой скопление пушечного мяса» [1. 1930. Н. 2. S. 89]. Это пространное высказывание наглядно свидетельствует и еще об одном серьезном заблуждении австрийской социал-демократии: явной переоценке и идеализации Версальской системы. По мнению Кери, отношения между великими державами являются сейчас более мирными и стабильными, чем раньше [1. 1930. Н. 2. S. 92].

Однако последующие события показали всю неправомерность и иллюзорность такой оценки. Обострение межгосударственных противоречий было настолько очевидным, что заставило СДПА в определенной степени изменить свою позицию по некоторым проблемам международных отношений. В наиболее концентрированном виде эти изменения были выражены в обобщающей статье Пауля Сценде с характерным названием «Современное состояние европейской внешней политики». Свой обзор автор начинает с анализа стратегической ценности Рурской области, рассматривая ее как один из главных узлов противоречий в Европе. По его мнению, захват Рура повлек за собой важные политические последствия: фиксацию и снижение германских репараций, прекращение политики диктата, вступление Германии в качестве великой державы в Лигу Наций. Оккупация Рурской области стала роковой для Пуанкаре она нанесла и тяжелый удар английской политике, целью которой было толкнуть Германию против Франции [1. 1931. Н. 2. S. 59]. Но несмотря на весьма реалистичную оценку сложившейся ситуации, автор благодушно заявляет о крахе германского национализма [1. 1931. Н. 2. S. 59].

Анализируя внешнюю политику Англии и Франции, Сценде подчеркивает, что Макдональд и Эррио, оба пацифисты и представители левых партий, в 1924 г. проводили с помощью Женевских протоколов действительно миролюбивую политику. Консерватор Чемберлен, став министром иностранных дел, не ратифицировал Женевский договор, и в 1925 г. был заключен пакт в Локарно, являвшийся в сущности гарантийным пактом великих держав [1. 1931. Н. 2. S. 61]. В последующий период англо-французские отношения заметно ухудшились. Однако под давлением экономических факторов, главными из которых автор обзора считает стабилизацию франка и увеличение золотого запаса Франции, Чемберлен перед майскими парламентскими выборами 1929 г. вынужден был отвернуться от своих фашистских союзников и сблизиться с Францией [1. 1931. Н. 2. S. 61]. Давая характеристику французской внешней политике, Сценде по-прежнему с особым вниманием относится к плану создания пап-Европы, автором которого на этот раз был не австрийский граф Р. Куденгове-Калерги, а глава кабинета А. Бриан. В этом проекте автор видел выражение сути внешней политики Франции, опирающейся, после прихода к власти в 1926 г. правых партий, на компромиссы. Когда в деятельности французской дипломатии начинают складываться предпосылки к последующему курсу на «умиротворение» фашистских агрессоров, он продолжает тщетно надеяться на объединение европейских государств после того, как будут разрешены проблемы разоружения и безопасности [1. 1931. Н. 2. S. 63].

Сценде видел одну из основных причин хаоса в европейской международной обстановке, бессилия Лиги Наций в устранении США от политики в Европе, происшедшем после Версаля [1. 1931. Н. 2. S. 63]. Такая точка зрения не могла, конечно, дать исчерпывающего объяснения сложившейся на континенте ситуации. Однако анализируемая статья со всей очевид-

ностью показывает, что оценка австрийской социал-демократией самой обстановки в Европе претерпела существенные изменения и стала с начала 30-х гг. намного более реалистичной. Автор не только указывает на крайнюю нестабильность ситуации и углубляющийся кризис Версальской системы, но и прямо называет главный источник международной напряженности. Вместе с тем он сохраняет верность традиционным для СДПА антисоветским воззрениям. «Муссолини хочет объединить побежденные государства под лозунгом ревизии Версаля. Это очень опасно, так как в Венгрии, Болгарии, Турции у власти находятся фашистские правительства. Им ничего не стоит начать снова военную авантюру. Положение становится все более запутанным еще и потому, что Муссолини в последнее время хочет заключить союз с Германией и Россией. Ведь большинство большевиков считает, что нет другого способа совершить мировую революцию, кроме как начать мировую или хотя бы европейскую войну [1. 1931. Н. 2. S. 64].

Оставив на совести автора расхожий антикоммунистический штамп, который с постоянством муссировался в начале 30-х гг. на страницах буржуазной прессы, следует отметить все-таки, что статья наглядно отразила и растущее в среде социал-демократии понимание той серьезной угрозы миру, которую несло в себе, наряду с агрессивными планами Италии, усиление фашизма в Германии. Сценде с тревогой отмечает значительный успех германских нацистов, достигнутый на выборах 14 сентября 1930 г., непосредственно связывая его с освобождением Рейнской зоны [1. 1931. Н. 2. S. 64, 66]. Однако путь к обузданию фашистской опасности он видит исключительно в укреплении союза между Англией и Францией. «После успеха национал-социалистов на выборах в Англии решили восстановить единый внешнеполитический фронт с Францией, тем более что Гендерсон знает, что любые англо-французские разногласия будут истолкованы Муссолини и как поощрение, и как претензии к его политике блокады Франции... На сессии Лиги Наций подчеркивалось, что большая гарантия мира в Европе — это дружба между Францией и Германией. Я же считаю, что основу этой дружбы составляет безоговорочное сотрудничество Англии и Франции. Пока между этими великими державами существуют противоречия, французские националисты будут препятствовать разоружению, и германские националисты будут питать роковые иллюзии... Если социалисты в Англии и Франции сильны, то германская контрреволюция обречена на бессилие» [1. 1931. Н. 2. S. 66—67].

Тревога за будущее Европы, за судьбы мира, над которым все явственнее начинали сгущаться грозные тучи войны, пронизывала и заключительные строки статьи, в которых автор подводил итог анализа основных проблем сложившейся в начале 30-х гг. внешнеполитической ситуации. «Несомненно: соблюдение несправедливых положений Версальского договора тормозит и ослабляет развитие Европы. Но можно с уверенностью сказать: ввиду сопротивления Франции и ее союзников ревизия этого мирного договора может быть осуществлена теперь только путем войны. И, откровенно говоря, она была бы более губительной и роковой, чем сохранение существующего положения... Несомненно, версальские репарации были для Германии невыносимы. Но если для изменения этого положения вспыхнет новая война, Европу ожидает гибель... Главную угрозу европейскому миру представляет фашизм. Любая внешняя политика, направленная на изоляцию фашизма и его союзников, оказывает делу мира неоценимую услугу» [1. 1931. Н. 2. S. 67—68].

Ухудшение международной обстановки вызывало тревогу и озабоченность не только у представителей СДПА. В статье, написанной социал-демократом из Берлина Теодором Даном, тоже отмечалась реальность возникновения второй мировой войны, которую автор связывал прежде всего с противоречиями на дальнем Востоке и политикой Японии [1. 1932. Н. 4. S. 152—153].

Таким образом, в начале 30-х гг. в среде социал-демократии утвердилось более реалистичная оценка международной ситуации в Европе. Однако это положительное изменение не повлекло за собой пересмотра позиций по вопросу о возможных путях ослабления напряженности и ликвидации фашистской опасности. Карл Реннер продолжал отстаивать идею присоединения Австрии к Германии. Теперь он рассматривал возможность его поэтапного осуществления, когда экономический аншлюс создает почву для аншлюса политического [1. 1931. Н. 5. S. 194].

А летом 1932 г. этот лидер правого крыла в СДПА опубликовал на страницах «Кампф» большую статью, в которой без особого удовлетворения анализирует попытки реанимировать план создания федерации Балканских государств. «Первая балканская конференция в Афинах в 1930 г. и вторая в Константинополе конце 1931 г. сделали первые реальные полити-

ческие шаги по пути создания Балканской федерации. Балканы по праву называют «континентом в себе», и если произойдет расчленение европейского пространства, то Балканские страны — кроме, пожалуй, Румынии, связанной важными политическими интересами с Польшей. безусловно составят единое целое» [1. 1932. Н. 6. S. 243]. Далее автор раскрывает те негативные, по его мнению, перспективы, которые в отличие от аншлюса открывают перед государствами Центральной и Юго-Восточной Европы создание Балканской федерации. Ведь это, подчеркивает Ренер, будет означать, фактически, превращение дунайской федерации в союз трех стран — Австрии, Венгрии, Чехословакии — или, иначе говоря, «Малую дунайскую федерацию» новую внутриевропейскую группировку, которая в некоторых положениях мирного договора уже предусматривалась как экономическая группировка. Но для Чехословакии и Австрии это недостаточно и бесполезно, так как они превратились бы в источник прибыли для Венгрии, жертвуя собственной индустрией... Австрия имеет уже 50-летний опыт общения с венгерским партнером и может его правильно оценить. В плане торговой и промышленной политики Югославия для нас... представляет ценность в три раза большую, чем Венгрия» [1. 1932. Н. 6. S. 243—244].

Весьма прозрачными выглядели надежды на создание Дунайской федерации и по мнению упомянутого выше П. Сценде, написавшего специально во этому вопросу большую аналитическую статью. В условиях кризиса, подчеркивает автор, капитализм пытается усилить свойственную ему в общем планомерность экономики. План создания Дунайской федерации как раз и является одной из таких попыток [1. 1932. Н. 8/9 S. 344]. Он называет и конкретных противников этого плана в различных странах, экономическая в политическая сила которых делала его реализацию весьма сомнительной. В Германии и Австрии против Дунайской федерации выступали сторонники аншлюса, в Чехословакии — противники Бенеша, а также аграрные партии, опасавшиеся конкуренции Венгрии, Румынии, Югославии в области сельского хозяйства, в Венгрии картели, боявшиеся таможенной унии в любой форме, которая могла бы расшатать таможенный барьер, охранявший интересы венгерской промышленности. «Югославия и Румыния ведут себя пока внешне сдержанно, так как великие державы, от которых они зависят, не достигли пока между собой согласия по этому вопросу. Но если осуществление плана создания Дунайской федерации станет реальным, то противоречия между классами и группами проявятся уже в открытой форме. Возможное привлечение Польши и Болгарии только обострило бы эти противоречия» [1. 1932. Н. 8/9. S. 345].

Однако сам Сценде со всей определенностью высказывается в поддержку плана федерации дунайских стран, полемизируя с теми социалистами, которые видели в осуществлении этого проекта опасность реставрации Габсбургов. «Планы федерации часто отклоняют и прогрессивные круги на том основании, что создание большой объединенной области, во многом идентичной территории бывшей габсбургской монархии, может легко при вести к реставрации династии. Мы считаем эти опасения совершенно напрасными. Напротив, Дунайская федерация разделалась бы с этим кошмаром навсегда, так как государства, которые ничего не хотят знать о Габсбургах, были бы еще больше заинтересованы в том, чтобы во всех странах федерации пресекались любые попытки реставрации» [1. 1932. Н. 8/9. S. 349].

Приведенные материалы наглядно свидетельствуют о том, что в австрийской социал-демократии сложилось два основных течения, первое из которых видело путь к стабилизации обстановки в Центральной и Юго-Восточной Европе в осуществлении аншлюса, а второе — в реализации плана создания Дунайской федерации. Это подтверждает и проведенная в последующих номерах журнала «Кампф» дискуссия, в ходе которой выступили известные деятели СДПА Карл Аппель и Бенедикт Каутский. Оба они подвергли критике позицию Сценде и пытались обосновать неизбежность и необходимость аншлюса [1. 1932. Н. 10. S. 407—408; Н. 11. S. 449]. Дискуссия со всей очевидностью показала, что представители первого течения в рядах СДПА более многочисленны и обладают большим политическим весом.

Дальнейшее усиление международной напряженности, активизация балканской политики великих держав вызывали растущий интерес социал-демократии к этому региону. Наиболее детально дипломатическая ситуация на Балканах освещалась в статье Золтана Ронаи под характерным названием «Экономический и политический кризис Балкан». Автор называет полуостров специфической «политической зоной Европы, где предпосылки к парламентской демократии существуют лишь в мизерном масштабе» [1. 1932. Н. 8/9. S. 353]. Главной причиной этого Ронаи считал преобладание аграрного населения. В свою очередь «слабость демократиче-

ских тенденций ведет к усилению фашистских элементов. В Румынии и Болгарии диктатура была в завуалированной форме, в Греции она была открытой, а в Югославии с недавнего времени диктатура прикрыта фиговым листком» [1. 1932. Н. 8/9. S. 355].

Статья отразила растущее в среде социал-демократии понимание того, что Балканы стали ареной острого дипломатического и политического противоборства держав. «Из прежней монархии только Венгрия играет на Балканах определенную роль, да и то лишь в качестве союзника Италии. Главная борьба идет здесь между Италией и Францией... То, что Франция косо смотрит на экономическое сближение Германии с балканскими странами, подтверждается не только ее позицией в вопросе о создании Дунайского блока, но и нервозностью, выраженной на днях в отношении германо-румынского торгового договора.. [1. 1932. Н. 8/9. S. 357].

По мнению автора, нестабильность внешнеполитической обстановки на Балканах во многом определялась отсутствием прочных экономических и политических связей между странами этого региона. «Экономические связи между балканскими государствами очень ограничены. У Болгарии и Румынии главным торговым партнером является Германия, Югославия — заклятый политический враг Италии. У Болгарии, например, на Балканах торговый договор подписан только с Турцией. Мешает налаживанию связей македонская проблема... Румыния и Болгария начинают сближаться между собой, что небезразлично также для антирусского фронта, протянувшегося от Польши до Болгарии. Только болгаро-югославские и болгаро-греческие отношения, не считая итальянскую колонию Албанию, препятствуют теперь мирному союзу балканских народов» [1. 1932. Н. 8/9. S. 357].

Ситуация на Балканах, как и во всей Европе, еще более обострилась с января 1933 г., когда нацистам в Германии удалось захватить власть. В отношении агрессивного характера внешней политики гитлеровцев социал-демократы никаких иллюзий не питали. В статье, опубликованной в сентябрьском номере журнала «Кампф» и подписанной псевдонимом «Германикус», говорилось: «За прошедшие полгода внешняя политика гитлеровской диктатуры дезорганизовала и расстроила политику в Европе. Она привела к появлению нового фронта против Германии, вовлекла Юго-Восточную Европу во вражеский лагерь, развязала борьбу в центральной Европе и впервые с 1918 г. побудила Россию к антигерманской политике... Генеральная линия гитлеровской внешней политики: это создание фашистского блока государств, великогерманская политика, политика «Дранг нах Остен» и, наконец, политика вооружения и ревизии Версальского договора» [1. 1933. 1-1. 8/9. S.339].

Приход Гитлера к власти вызвал также усиление напряженности в самой Австрии, резкое обострение борьбы между прогрессивными силами и активизировавшимся в стране фашизмом. «То, что две великие державы, которые граничат с Австрией, Германия и Италия, разрушаются фашистским варварством, является главной причиной установления в нашей стране авторитарного курса», — писал член СДПА Карл Хайнц в начале 1934 г. [1. 1934. Н. 2. 8S. 821].

Сложившаяся ситуация требовала от СДПА немедленных и решительных действий. Надежным заслоном на пути растущей фашистской угрозы могло стать объединение всех прогрессивных сил внутри страны, создание антифашистского Народного фронта и образование коллективной системы международной безопасности. Но тщетно было бы искать призывы к этому на страницах социал-демократической прессы, которая не смогла подняться выше простой констатации того, что «путь к миру лежит через обуздание германского фашизма» [1. 1933. Н. 8/9. S. 345]. Подобная позиция объяснялась прежде всего сохранением антикоммунизма и антисоветизма среди руководства социал-демократического движения.

1. Der Kampf. 1929—1934.